

Дневники Той-Особенной-Ночи

Марина Трущенко

The illustration depicts a woman with long, flowing red hair, seen from behind, wearing a dark, long-sleeved dress. She stands in a dark, atmospheric setting with a blue and green color palette. In the center, a large, glowing orange and yellow fire or energy field is contained within a rectangular frame. To the left, two white cats are visible, one standing on its hind legs. To the right, a small tan Chihuahua dog is looking towards the woman. The background features silhouettes of trees and a giraffe, suggesting a surreal or dreamlike environment.

Марина Трущенко

Дневники Той-Особенной-Ночи

«Автор»

2025

Трущенко М.

Дневники Той-Особенной-Ночи / М. Трущенко — «Автор», 2025

Эта история произошла в октябре. В том самом октябре, когда истончается грань между мирами, и всё может измениться в одну ночь. Обычная девушка Джимми не знала, в какую игру втягивает её этот октябрь...

© Трущенко М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Десятое октября	7
10.10	9
Одиннадцатое октября	10
11.10	12
Двенадцатое октября	13
12.10	15
Тринадцатое октября	16
13.10	18
Четырнадцатое октября	19
14.10	22
Пятнадцатое октября	23
15.10	27
Шестнадцатое октября	28
16.10	32
Семнадцатое октября	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Трущенко

Дневники Той-Особенной-Ночи

От автора

Внимание!

Эта книга написана по мотивам дневников с городской ролевой игры (созданной, в свою очередь, на основе книги “Ночь в одиноком октябре” Роджера Желязны), так что если вам что-то покажется знакомым, знайте: вам не кажется. Все персонажи (не)вымышлены, все совпадения (не)случайны.

Но если вы ожидаете, что всё будет так же, как в игре, если вас расстроит, что автор где-то погрешил против истины, что-то придумал, а что-то не упомянул, лучше закройте книгу сейчас.

Я предупредила.

Пролог

Октябрь – самый непостоянный месяц.

Сперва он старательно притворяется сентябрем, с шелестом гоняет по дорожкам золото опавшей листвы, улыбается солнечными лучами, такими пронзительно-прозрачными, что кажутся натянутыми струнами.

Потом понимает, что улыбкой уже никого не обмануть, расстраивается – и еще вчера яркий парк вдруг стремительно сереет. Еще вчера высокое небо опускается вместе с настроением, капля за каплей прибывает остатки сентябрьских красок к земле. Листья еще плывут корабликами в лужах, но уныние окутывает их первым ледком.

Наконец, октябрь убеждается в том, что лето уже окончательно прошло и даже осень уже перевалила за середину, и пропускает первые паутинки заморозков, и спохватывается только тогда, когда ноябрь начинает украдкой развешивать на деревьях сережки из первых снежинок.

Октябрь – прекрасный момент для того, чтобы замедлиться, и понять: не разумом, а всем телом почувствовать – зима неотвратима, она придет снова, как приходила тысячелетия прежде. И в этой её неотвратимости, как желток в скорлупе, таится надежда, что и она не будет вечной.

Это время длинных прогулок под ленивой моросью осеннего дождя, которому уже совершенно некуда торопиться. Это время горячего глинтвейна в любимой кофейне, когда легко можно забыть о делах и просто смотреть за тремя вечными вещами: как горит огонь в камине, как льется вода за окном и как бариста заливает “воронку”, и кофейный аромат ползёт по залу, рождая странные видения. Это время встретиться с теми, кто дорог, время задушевных разговоров обо всём и ни о чем конкретном, которые так сближают людей. Это время дарить тепло и греться у чужого тепла – под одним пледом на подоконнике, с одной чашкой чая, с одной мечтой на двоих.

Это время таинственных историй, в которых грань между мирами истончается, и тонкий баланс между ложью и истиной расшатывается, и то, что еще вчера было невозможным, сегодня становится не только вероятным, но и единственно правдивым.

Это время слушать.

Десятое октября

Первые недели учебы прошли, расписание устаканилось, и суета сентября уступила место размерности октября – когда учиться уже нужно, но до сессии еще далеко, и спешить не обязательно, достаточно просто ходить на лекции. Джимми ходила и даже честно пыталась записывать. Понимать пока не пыталась, ей не хотелось думать об учебе, тем более, что на улице еще тепло, еще не все листья облетели с деревьев, а небо того особенного полупрозрачного цвета, какой появляется ненадолго только осенью. Она любила бродить по улицам, еще не включившимся в предновогоднее безумие, по еще не уснувшим паркам... Вот и добродилась, видимо – в горле першило, а в теле поселилась легкая, но неприятная слабость, какая бывает при слабой температуре.

Остро захотелось побаловать себя, и Джимми зашла в Коммуникатор. Оставила на вешалке своё зелёное пальто и черный шарф, попросила себе кофе. В поисках свободного места прошлась по комнатам. Самая большая – ожидаемо в воскресенье вечером – была занята. Однако компания, занявшая её, выглядела странно. В антикафе обычно собирались, чтобы поговорить или поиграть в настольные игры, или даже спеть. Но эти люди не играли и не пели. Они сидели вроде бы и рядом, но в то же время выглядели так, словно каждый из них пришел сюда по отдельности, и смотрели друг на друга с предвкушением и опаской одновременно. И выглядели они... Очень уж по-разному. Не компанией ни по возрасту, ни по интересам.

Красивая (аж завидно стало) рыжая женщина в уголке, одетая в голубое шелковое платье, словно на улице была вовсе не осень, смотрела на всех насмешливо и свысока. Напротив неё перебирал четки бородатый мужчина, похожий на монаха без сутаны. Еще одна женщина, с гордой осанкой и лишенным возраста лицом, улыбалась сидящему рядом пожилому мужчине с лицом мечтателя или поэта. Девушка в очках листала книгу, изредка поглядывая поверх оправы на аристократично-бледного юношу, одетого так изысканно, словно он пришел в антикафе по ошибке вместо ресторана.

За спиной у Джимми проскользнула кошка. Странно, а ей казалось, что в Коммуникаторе не приветствуют животных? Кошка неспешно вошла в комнату и запрыгнула на полку, небрежно лизнув загривок лежащего там котенка. Где-то рядом простучали крошечные каблучки... или копытца? Да нет, быть не может, это уж точно показалось! Да и вот та змея, свернувшаяся кольцами на пианино, разумеется, декорация. Джимми торопливо отвела взгляд, опасаясь, что сейчас “декорация” шевельнется. Рядом с пианино, слегка поглаживая крышку инструмента, сидел Леонид.

В горле запершило, и Джимми закашлялась. Леонид вскинул на неё незнакомый острый взгляд. Глаза у него были непроницаемо темными, они смотрели пронзительно и жестко. Узнав её, Леонид слегка кивнул в знак приветствия, и взгляд его смягчился.

Джимми смутилась. Все в комнате почему-то повернулись к ней, и ей почудилась в их взглядах высокомерная насмешка: она как-то внезапно ощутила, что на ней старые джинсы – удобные, но застиранные до невнятно-серого цвета, подрастянутый пуловер, а на ногах – смешные тапочки, в которые она переделалась у входа.

Она поспешила пройти мимо занятой странной компанией комнаты, села в соседней, прямо за стеной. Медленно тянула кофе, не чувствуя вкуса, и всё пыталась понять, что делает в такой разношерстной компании Леонид? Мама Джимми всегда приводила его дочери в пример: “смотри, Леонид закончил школу с золотой медалью”, “знаешь, Леонид поступил в ВУЗ без экзаменов”, “слышала, Леонид хорошо сдает сессии и уже зарабатывает”, “а тебе известно, что Леонид не пьет и не курит”, “а у Леонида прекрасный голос, он превосходно поёт под

гитару” и прочие дифирамбы, которые все матери на свете так любят расточать сыновьям своих подруг – особенно перед детьми, которые не достигли таких успехов.

До переезда в Екатеринбург Леонид заочно раздражал Джимми. Слишком уж он был хорош, не бывают живые люди настолько идеальны. Но, познакомившись с ним, она была вынуждена, скрепя сердце, признать – бывают. В жизни он производил ровно то же впечатление, что и в рассказах матери: привлекательный, аккуратный, успешный, приятный в общении. Впервые Джимми видела его в такой... довольно сомнительной компании. И впервые она видела у него такой жесткий взгляд. Если бы он не кивнул ей, она бы, наверное, решила, что обозналась.

Джимми старательно прислушивалась, но из соседней комнаты не доносилось ни звука, а внутри неё нарастало неясное чувство тревоги. “Октябрь”, подумала она, не зная, почему это слово должно было как-то оправдать её ощущения, но оно вызывало у неё смешанные чувства – одновременно горечь и надежду.

Когда она, расплатившись, уходила, большая комната была уже пуста.

Вечером, лежа в постели, Джимми лениво листала стену ВКонтакте. Новости знакомых она давно прочитала, и умная лента пыталась угадать, подкидывая ей случайные посты по её интересам. Мемы с котами (все любят котов, правда?), предложения о быстром заработке (неужели кто-то до сих пор ведется?), почему-то реклама салона свадебных платьев. Джимми пролистнула ниже и наткнулась на пост, написанный необычным шрифтом – она и не знала, что ВКонтакте поддерживает такой. Вычурные буквы с большим количеством завитушек складывались в текст, больше похожий на начало какой-то книги в жанре фэнтези. Джимми, заинтересовавшись, ткнула в текст, рассчитывая увидеть продолжение – однако такого профиля не существовало, о чем ей услужливо сообщило приложение ВКонтакте.

“Ну и ладно”, с обидой решила она и выключила телефон.

10.10

Двадцать один день до ритуала. Двадцать один день до свободы.

Я уже чувствую в груди зарождающийся гадкий комок. Он ещё не сформирован, не бьётся, но уже душит, жжёт изнутри, заставляет голос и руки дрожать, а лицо кривиться в судорогах эмоций

Снова одна. И в этой Игре нет никого из моего племени. Не буду просить прощения, родители, ведь больше не осталось никого.

Я последняя.

Не думала, что когда-либо увижу на Игре Стрелка. Он принципиален, но уязвим. Стремление стать героем – его ахиллесова пята и погибель, но его руками можно сотворить многое.

*Маркиза, сбежавшая из тени – неизменный лидер Закрывающих после старого друга Джекса – осторожна и консервативна. Лидер Открывающих в этом году – несдержанная и неопытная особа. Таких нужно опасаться в первую очередь – новички могут по незнанию, но не по злomu умыслу сотворить *mikid skitkast* из самого продуманного и детального плана.*

Трещина в ткани междумирья ширится, Врата зовут. Я почти знаю место открытия, нужно лишь немного расчётов, и карта этого треклятого города. Мощь океана в моей крови бессильна в этих чертовых каменно-асфальтовых джунглях. Это ничего, пусть быть в разлуке с ним так физически больно. Ради свободы можно потерпеть какой-то неполный месяц. Что двадцать дней боли по сравнению с веками цикла маленьких смертей? Верно. Ничто перед лицом свободы. Свободы и Власти.

Альдис

Одиннадцатое октября

Утро началось с радио. Джимми так и не поняла, почему телефон решил вместо будильника включить какую-то незнакомую радиостанцию. Вроде бы, никаких настроек она не меняла, но вместо привычной утренней мелодии телефон выдавал приятный голос диктора, читающий текст, в котором Джимми не сразу узнала Фраевскую “Смесь для приготовления понедельника”. А узнав, хмыкнула и не стала выключать радио – Макса Фрая она любила и его сказку сочла неплохим началом дня.

Пока она готовила завтрак, играла какая-то незнакомая, но приятная мелодия, под которую так приятно было взбивать омлет и варить кофе. А потом снова зазвучала сказка: на этот раз незнакомая, про леденец, сквозь который просвечивает солнце. Джимми улыбнулась, решив, что леденец – это хорошая идея.

По пути с пар она пошла мимо киосков, где иногда бывали в продаже разноцветные леденцовые петушки. Еще издали она заметила Варю, свою одноклассницу, которая о чем-то спорила с продавцом, придирчиво перебирая леденцы. Кажется, она хотела какой-то определенный, а продавец не понимал и ничем не мог ей помочь.

Дождавшись, пока Варя определится с выбором и уйдет, Джимми купила оранжевый леденец и, как советовала утренняя сказка, взглянула через него на мир. Ничего особенного не увидела, но заулыбалась и солнцу, и ярким листьям в парке, и белочке, что грызла орешки на кормушке. Эту кормушку еще весной она сама повесила на это дерево и изредка приносила крупу для птиц и орешки для белок, которые появлялись в Харитоновском саду.

– Привет, – весело сказала она белочке и лизнула леденец. Ммм, сладкий, с каким-то ягодным вкусом.

– Привет! – неожиданно прострекотала в ответ белка.

Джимми попятилась и споткнулась, с трудом удержавшись на ногах.

– О! Ты меня понимаешь!?! – удивилась белка, крутя в маленьких лапках орешек.

– Д-да, – медленно кивнула Джимми и подозрительно посмотрела на леденец. Могли ли в него добавить что-нибудь... эдакое?

– А почему? – заинтересовалась белка. – Я вижу! Вижу, ты не Игрок! Кстати! Я – Острые Усики.

– Игрок? – ухватила за слово Джимми. – То есть, это какая-то игра?

– Конечно, Игра! Октябрь же! – не очень понятно объяснила Острые Усики. Махнув хвостом, она посмотрела на Джимми: – Кстати, хороший тон – назвать в ответ своё имя.

– Я Джимми. То есть, Женя, – смутилась Джимми.

– А может быть, это ты – человек Миелли!?! – возбужденно застрекотала Острые Усики. – Потерянный человек Миелли!?

– Миелли?

– Котёнок. Ты её не потеряла? – белка запрыгала вверх-вниз по веткам.

– Я никого не теряла, – помотала головой Джимми, но белку уже было не остановить.

– Я приведу её к тебе! Вдруг и правда! Вдруг она найдется! – стрекотала Острые Усики, и её хвост метался по стволу рыжим пламенем. – Жди здесь!

Белка умчалась прочь, оставляя Джимми в недоумении. Меньше всего Острые Усики была похожа на галлюцинацию – Джимми не знала за собой такой бурной фантазии, чтобы придумать белку, говорящую с ней о потерянном котёнке. В растерянности Джимми сделала круг по парку, продолжая машинально облизывать леденец. Шагая вдоль забора, она снова увидела Леонида: он стоял на углу парка и смотрел на солнце через леденцового “петушка” с таким серьёзным видом, словно рассчитывал увидеть внутри ответы на все вопросы.

– Миелли! – раздался рядом довольный стрёкот Острых Усиков. – Смотри, смотри! Я нашла тебе человека!

Белка подпрыгивала на ветке рядом, а к ногам Джимми подошла маленькая кошечка и потерлась о её джинсы.

– Привет, малышка, – Джимми присела её погладить.

– Здравствуй, Джимми, – мурлыкнула кошечка. – Я Миелли.

– Видишь! Я нашла! Нашла человека! – возбужденно прыгала по веткам белка.

– Но это не мой человек, Острые Усики, – негромко возразила Миелли. – Хорроший. Но не мой.

– Как так, не твой? – не поняла белка. Посмотрела черными глазками-бусинками на Джимми, на Миелли, снова на Джимми.

Кошечка села и принялась умываться.

– Как так вышло, что ты потеряла своего человека? – наклонилась к ней Джимми.

Миелли подняла мордочку, блеснула зелеными глазами.

– Несколько дней он не приходил, и я боялась – вдруг пойду его искать, а он придет и не найдет меня? Потом устала ждать и отправилась на поиски. След нашелся где-то у воды – и пропал, и я догадалась, что это – всё. Не то, чтобы к человеку я успела привязаться – он никогда не звал меня к себе домой, только приходил ко мне. Неизвестно, был ли у него дом. Но как-то пусто стало в горроде – без человека, без цели...

– Думаешь, его убили? – цокнула Острые Усики.

– Думаю, он просто решил выйти из Игры, пока не поздно, – рассудительно ответила кошечка.

– И что ты теперь будешь делать? – встревожилась Джимми.

Миелли была такой маленькой, пушистой и домашней, что трудно было представить, как она останется одна на улице.

– Буду искать себе нового человека, – Миелли махнула хвостом, должно быть, это движение заменяло ей пожатие плечами.

Джимми помолчала. Светлана, хозяйка квартиры (и, по совместительству, мать Леонида), была против животных в доме, но нельзя же было бросить Миелли.

– Ты можешь пожить у меня, пока не найдешь, – предложила Джимми.

Некоторое время кошка и белка смотрели на неё в одинаковом недоумении. Потом Миелли подошла и снова потерлась о её ногу.

– Я приду, если потребуется. Спасибо, – она прыжком исчезла в зарослях.

Вечером Миелли не пришла, и Джимми понадеялась, что кошечка нашла, где переночевать. Удивительно, что Джимми могла понимать этих двоих – и кошку, и белку. Никогда раньше она не слышала от животных человеческой речи. Конечно, детстве читала сказки и мечтала о таком даре, но ведь такого не бывает на самом деле... Правда? Может быть, леденец и правда оказался с сюрпризом, и ей это просто привиделось? Размышляя, Джимми расчесала волосы и потянулась положить массажку на тумбочку около кровати. Там, прижатый ножкой ночника, лежал листок бумаги, словно вырванный из книги. Джимми почти минуту смотрела на него, потом закрыла окно и только тогда взяла листок в руки.

11.10

Самое сложное – это общаться с людьми. И нелюдьми. В общем, общаться. С книгами всё просто, они понятные, даже Том. А люди...

Но если я буду сидеть и бояться – у нас ничего не выйдет. Вдвоём с Томом мы не справимся. Пришлось взять себя в руки и решиться. Я написала объявление, что нужны фамильяры разных стихий для зачаровки артефакта. Да, я знаю, это риск. Не стоит во всеуслышание заявлять о своих планах. Но если мы не соберем артефакт завтра – мы вряд ли успеем его собрать. Очки для считывания аур слишком полезны, да и стоят, если подумать, не так уж и дорого, если делить на пятерых.

Вот только этих пятерых еще попробуй найди. А найдя – попробуй собрать в одном месте в одно время. Мне очень страшно. Вдруг не получится? Вдруг кто-то задержится или вообще не сможет приехать?

Зато Том сегодня может быть доволен. Моя провокация сработала. Пока я общалась с потенциальными участниками творения, я выяснила много мелочей – чью-то стихию, чью-то сторону, определились некоторые пары – и это прекрасно. В атмосфере полного недоверия я долго не выдержу. Мне нужны друзья. Нужны те, кому я смогу доверять. И пусть завтра нам немножко повезёт.

Хранитель Архива

Двенадцатое октября

Знакомый голос бодрого диктора со вчерашнего незнакомого радио разбудил Джимми раньше обычного будильника. Она спростоня попыталась прихлопнуть телефон, не нашла его на тумбочке у кровати и с досадой открыла глаза. Диктор нёс какую-то пургу про различные методы гадания. Пока Джимми умывалась, она услышала как любопытные, так и достаточно тошнотворные варианты и всерьёз задумалась, зачем люди придумывают такие дикие способы – неужели кто-то пользуется? После музыкальной паузы снова зазвучала сказка – снова совершенно незнакомая, про ерунду, которую нужно придумать о первом встречном. Джимми развеселилась и решила попробовать.

Она внимательно осмотрела своих одноклассников, но они все выглядели довольно скучно и ничего интересного про них не придумывалось. Только Варя, знакомая художница в длинной юбке, внезапно вызвала у Джимми ассоциацию с рыжей ведьмой: непокорные кудри, метла, крупный чёрный кот рядом. В аудиторию вошел преподаватель, начал писать на доске тему пары, и Джимми непроизвольно хихикнула. В её воображении он выглядел иссохшей мумией в бинтах, которая бубнила себе под нос что-то про древнеегипетские иероглифы и их развитие. Она даже удивилась такому мысленному образу – мужчина не был стар и сложением обладал отнюдь не сухощавым.

После пар Джимми решила пойти в Коммуникатор, продолжая внимательно присматриваться к людям, которых встречала на улице. Роскошно одетая женщина в возрасте представилась ей вышедшей на пенсию актрисой, которая всё ещё мечтает петь ведущие роли, но на них давно нашли певичек помоложе, и остается только качать головой и ворчать на то, какая наглая пошла молодежь. За хмурым студентом ходил полупрозрачный кот в свитере. Студент шел быстрым шагом, уткнувшись в телефон и не замечая препятствий, которые огибал не иначе как чудом. Кот был печальный и лысый, как все сфинксы. Джимми не поняла, почему её воображение не нарисовало ему хоть какой-то хвост, ведь сфинксам, кажется, хвост не купировали? У бариста в Коммуникаторе была цветная тень – словно её отражение, только другого пола.

В поисках места Джимми прошлась по антикафе и в одной из комнат снова заметила знакомых людей. Кажется, она видела некоторых из них здесь в воскресенье, вместе с Леонидом? Да, точно, вон та девушка была в очках – сейчас очки лежали на столе между беседующими. А в чертах другой девушки читалось что-то цыганское – может быть, этому способствовали браслеты, позванивающие на её запястье. Третья, уже немолодая, обладала такой величественной осанкой и пронзительным взглядом, что Джимми поёжилась. Её взгляд, скользя ещё по двоим незнакомым девушкам, вернулся к лежащим на столе очкам. Хм, и во вчерашнем листочке, непонятно как попавшем к ней в спальню, было про очки. Или она склонна искать совпадения там, где всё можно объяснить случайностью?

Решив не отвлекать пятерых женщин от их разговора, Джимми выпила кофе в другой комнате и вышла на улицу. Напротив входа в Коммуникатор тревожно курил Леонид. Надо же, а мама утверждала, что он не курит. Джимми постаралась проскользнуть мимо так, чтобы он её не заметил.

Над маленьким озерцом в центре Харитоновского сада поднимался туман, сквозь него нежно белела ротонда. Джимми обошла вокруг по дорожке и повернула к деревьям. На ступенях, сквозь которые давно проросла трава, сидели две крупные собаки. Джимми остановилась, но животные не обратили на неё внимания.

– У меня нет вдохновения, – пожаловалась одна из собак.

– Когда вдохновение, ты можешь написать много, а тут всего пять строчек. Пиши! – вторая сделала круг на месте, устраиваясь поудобнее и добавила: – У меня к тебе еще потом разговор будет, Фунтик. Сурьезный.

– Сегодня у всех ко мне сурьезные разговоры, Лу, – вздохнул Фунтик.

– Можем поговорить завтра, – предложила Лу. – Мне не срочно.

– Давай уж сегодня. Завтра может быть поздно.

– Как насчет откровенности за откровенность? Готов рискнуть? Я хочу проверить свою догадку о том, что мы на одной стороне. Если я не права, это не повлияет на торговлю информацией.

– Но я знаю твою сторону, Лу, и это уже не повлияло, – заметно растерялся Фунтик.

– Что? Неужели ты потерял вкус к жизни? Не верится, что твой любопытный нос перестал быть любопытным.. ну, еще не Костер, вдруг ты передумаешь, – Лу ухмыльнулась, и Джимми вдруг поняла, что она вовсе не собака, а волк. То есть, наверное, волчица.

Продолжать подслушивать девушке разом расхотелось, и она сделала вид, что просто гуляет мимо.

Вечером за окном появилась гибкая тень. Джимми открыла окно, и Миелли переступила через раму и уселась на подоконнике, грациозно спустив хвост вниз.

– Я нашла себе человека, – поделилась кошечка. – Она замечательная, Закрывающая и ведьма. У неё уже есть один котёнок, но они оба меня приняли.

Джимми улыбнулась и погладила Миелли, радуясь, что у кошечки всё складывается хорошо. А потом до неё дошло.

– Погоди. Октябрь. Игра. Костёр. Закрывающие. Железны? Ночь в одиноком октябре?

– Ну да, – подтвердила Миелли, помахивая кончиком хвоста.

– Но, – Джимми замялась, – это же выдумка?

– Говорящие животные тоже выдумка, да? – обиделась Миелли и поднялась. – Я же говорила, что ты не Игррок. Удачного тебе октябрю. Если мы не справимся, через двадцать дней ты поймёшь, насколько это выдумка. Или нет. Но будет поздно.

Кошечка выпрыгнула на улицу и шмыгнула в кусты, а Джимми осталась у открытого окна, пытаясь уложить в голове то, что услышала. Говорящие животные. Фамильяры? Джимми торопливо открыла в браузере поисковик. Ввела запрос и даже не удивилась, увидев дату ближайшего полнолуния. 31 октября. Значит, Ритуал в ночь 31 октября, когда луна полная, не придуман Железны для его книги, а описан... гм, так сказать, “с природы”? Но этого же не может быть, потому что так же не бывает? Ага, а говорящие животные, значит, бывают?

Девушка задумчиво открыла ВКонтакте и некоторое время тупо перебирала истории, пока не наткнулась взглядом на слово “очки”. Сморгнув, она сосредоточилась и перечитала историю, отметив про себя время (не в то ли время она была в Коммуникаторе?), место (хотя мало ли антикафе в городе?), пять женских имен участниц создания тех самых “очков”. Еще три женских – “ведущих себя как Открывающие”. И одно мужское – Леонид, курящий на крыльце? Может ли быть такое, чтобы игроки (Игроки?) знали его под другим именем?

12.10

Сегодня решила поучаствовать в создании артефакта для Хранителя Архива. Звёздочка выяснила, что она – Закрывающая. Мы собрались во 18-30 в антикафе: я, Мэри Таэ, Эсме, Хранитель и Элиза. Там же, кажется, случайно, оказались Каролина и Лекса. Странные сестрёнки, нужно узнать о них побольше.

Обменялась информацией с Хранителем. Кажется, Эсме тоже на нашей стороне. Завтра собираюсь звать к себе гостей, нужно и её тоже пригласить.

Странно было остаться в антикафе после создания очков. Я была в компании из четырёх игроков, которые вели себя как Открывающие. Вильгельм, Каролина, Лекса и Вольха.

Чёрная Сара

Тринадцатое октября

Утром Джимми проспала. Прошлым вечером никак не могла уснуть, взбудораженная предположением, что Игра в одиноком октябре может быть реальной. Всё крутилась с боку на бок, пытаясь понять, как история, которую она считала придуманной Железны сказкой, сочетается с современным Екатеринбургом. Раз за разом приходила к выводу, что никак. Этого не могло быть, ведь все мы знаем, что магии не существует, что наш мир – полностью рациональный, что в нём нет ничего необъяснимого. И раз за разом вспоминала обиженные слова Миелли: “говорящие животные тоже выдумка?” И да, если одного разговорчивого зверя можно было списать на какой-то розыгрыш, то четверых, которых она встретила за минувшие два дня, уже с трудом. И нужно было либо заподозрить у себя слуховые галлюцинации и обратиться к врачу, либо признать, что не всё так очевидно, как ей казалось.

Ничего удивительного, что она проснулась позже обычного с больной головой. Не успев позавтракать, выскочила из дома в универ и уже по дороге сообразила, что не слышала с утра “октябрьскую” радиостанцию.

Погода оставалась теплой, и под ногами шуршали цветные листья. Шаловливый ветер играл с ними, выдергивая из-под метлы дворника, тащил их к озерцу и расправлял по поверхности воды, в которой отражалось небо с облаками. Утки раздраженно распахивали облака лапами и вертели хвостами, ныряя за осколками солнца. Джимми на бегу бросила им остатки вчерашнего батона, и словно десятки падающих звёзд рассекли гладь отраженного неба – это утки скоростными ракетами спешили на угощение.

Джимми замедлила шаг. В этой части парка было пусто, мамочки приведут малышкой на игровую площадку на пару часов позже, а все, кто спешил на работу, уже прошли мимо. Над её головой перешёптывались огненные кленовые листья, срывались с ветвей, медленно падали перед ней на дорожку. И торопиться расхотелось. Наверное, такое же умиротворение испытывают японцы, когда наблюдают цветение сакуры. Джимми задумчиво подняла багряный лист, потом еще один – золотой до хруста, третий отливала лиловым и напоминал сливу. Сезон слив, конечно, давно прошёл, а вот листья будут падать еще целую неделю, если раньше не зарядят неумолимые осенние дожди.

В аудитории Джимми положила букет из листьев на парту и, слушая лектора, перебирала свои сокровища. Впереди неё сегодня оказалась Варя, и Джимми заметила, как она рисует в тетради кленовый лист. Рисовала Варя хорошо, карандаш укладывал на лист быстрые уверенные штрихи. Джимми знала, что Варины картины висят в переходе между зданиями, и решила, что сегодня точно сходит посмотреть.

Она любовалась изображением пикирующего на зрителя филина – с расправленными крыльями, с выставленными, казалось, за край холста острыми когтями, когда в заднем кармане джинсов завибрировал получивший сообщение телефон. СМС гласила: “Дуэль фамильяров! Том Третий вызвал на дуэль Гуамоколатокинта“. Джимми перечитала сообщение трижды. Посмотрела на отправителя – короткий номер, разумеется, незнакомый. Перечитала ещё раз. Дуэль? Фамильяров? По одному каждое слово было ей понятно, кроме сложновыговариваемого имени вызванного. Но все вместе они складывались в полную чепуху. Зачем – дуэль? Почему Том – третий?..

Но тут телефон в руках снова завибрировал – сработал будильник, что до конца обеда осталось пять минут и пора бежать в аудиторию на следующую пару.

Вечером, слегка осоловелая после шестой пары, Джимми неспешно брела по парку, прикрывая рукавом лицо от порывов ветра. В своём зелёном пальто она выглядела запоздалым кусочком лета среди осенних деревьев. Около её кормушки рыжим сполохом металась белка. Сверху свисала голова змеи – кажется, гадюки, хотя Джимми не очень разбиралась в змеях и никогда не видела их в Екатеринбурге вне террариумов. Рядом обнимал когтями ветку крупный филин.

– ...И нет бы отдохнуть, заняться перьями и расчетами. Приходят всякие кусачие книги, начинают хотеть странного, рога им не нравятся. Пи им подавай, – вещал филин, гордо топорща перья. – Подал. И пи, и рога, и иммельман с пи-кированием...

– Оух! – верещала Острые Усики. – Гуам, ты такой! Такой молодец!

– А с другой стороны, – продолжил филин, не обращая внимания на цоканье белки и гипнотическое покачивание змеи, – как там говорили древние санскры, которые придумали санскрит и сансару? Закон соблюден и польза несомненна!

Закончив свою речь, он распушился еще сильнее, расправил крылья и сорвался в бесшумный полёт.

– Сила земли! Сила земли возросла! Шипучка, ты ощутила? – восторженно сказала белка.

– Да-ссс, – протянула змея, покачиваясь вверх-вниз. – Земля усилилась.

Джимми отыскала в кармане орех и протянула его Острым Усикам. Белка бесстрашно проскакала по её плечу, ухватила орешек и тут же принялась крутить его в лапках:

– Ты видела? Видела их дуэль?

– Не видела, – с сожалением качнула головой Джимми. – Это был Гуамо... Гуамоко...

– Гуамоколатокинт, – подсказала змея и качнулась к ней. – А я Шшипучка.

– Гуам! – зацокала белка. – Просто Гуам! А то язык же можно сломать!

– А Том? – попыталась спросить Джимми.

– Том проиграл-сса, – снисходительно ответила Шипучка. – Это был с-славный бой. Но Том был ослаблен, он вчера вложил с-силу в с-создание очков. Гуам показал ему, как нужно биться.

– А зачем? – рискнула уточнить Джимми. – Зачем биться?

– Так надо! Надо! – белка перепрыгнула обратно на ветку и метнулась вверх по стволу.

– Таковы-сс правила, – Шипучка заструилась к концу ветки и шлепнулась на землю, сворачиваясь пружиной. – Ты не Игрок-сс, тебе с-сложно проникнуть-сса.

Змея давно скрылась, а Джимми всё смотрела на траву, которая даже не шелохнулась, когда Шипучка уползала. То, что фамильяры не были обычными животными, не подлежало сомнению. Но насколько они были... материальны?

В поисках ответа Джимми нашла на стеллаже томик Железны. Открыла наугад, перелистнула несколько страниц. Зацепилась взглядом за “яркий осенний букет” и дочитала страницу до конца. Она не помнила ничего подобного в тексте “Ночи в одиноком октябре”. Маркиза Ди, Вольха, Ева, Мэри Таэ. Вильгельм. Этих имен не было в оригинальной книге. Джимми захлопнула томик и перевернула, чтобы взглянуть на обложку. “Ночь в одиноком октябре”. Попыталась снова найти незнакомую страницу – но не преуспела.

13.10

Яркий осенний букет для воплощения сказки, жаль, до цветных трамваев было далеко. Написал Маркизе Ди, предложил обсудить одну идею, она сказала, что будет готова к диалогу завтра.

Спросил, как фамилльяры становятся сильнее, ответом было, что в сражениях. Жаль, что без подробностей.

Мысль создавать интригу исчерпала себя, прямо сказал Вольхе, что мы по одну сторону баррикад, разрешил Еве раскрыть информацию, что она гадала на меня. Теперь я в тайной беседе, где Открывающие уверены друг в друге.

На меня вышла Мэри Таэ. Странный игрок, вроде Открывающая, но помогла закрывающим создать артефакт. Предлагает объединяться, обмениваться информацией и создавать ингредиенты, но что-то меня в ней смущает.

Жаль, что на этих выходных Острые Усики будет занята своими беличьими делами и, возможно, не успеет поучаствовать в дуэлях.

Вильгельм

Четырнадцатое октября

Огромная тень пикировала сверху, расправив темные крылья. Изогнутые когти на вытянутых лапах сверкнули, словно стальные. Они выглядели острыми и крепкими, они стремительно приближались...

Шелестнули страницы. Книга невидимым глазу движением увернулась от когтей и целящего следом клюва и насмешливо дернула закладкой, похожей на дразнящийся язык. Глаз на обложке пристально следил за вновь поднявшимся в воздух филином.

Бесшумная тень заложила круг, набирая высоту, и вновь ринулась вниз, в последний момент изменив направление. Когти вцепились в края обложки, клюв нацелился ударить в глаз и застрял между чешуек. Страницы снова прошелестели, щелкнули зубы, в свою очередь вцепляясь в перья яростной птицы. Та с протяжным криком ударила крыльями, забила, терзая книгу когтями и клювом...

Джимми рывком села в кровати. Полный ярости крик филина бился в её голове, и сердце отвечало ему бешеным перестуком. Это был сон? Только сон?

Джимми дотянулась до телефона. До будильника оставалось еще двадцать минут. Она закрыла глаза, намереваясь подремать, но перед внутренним взором вновь встали неотвратимо приближающиеся когти и крылатая тень за ними. Джимми со вздохом поднялась и пошла в душ. Похоже, больше она всё равно не уснёт сегодня.

Пока на плите закипала вода в турке, Джимми посматривала на телефон в ожидании, пока вместо будильника начнет работать радио. Экран телефона вспыхнул, заиграла бодрая музыка, под которую девушка в последний год привыкла просыпаться. Радио не включилось.

Джимми убрала турку с конфорки и взяла телефон в руки, покрутила задумчиво. Она совершенно не представляла, как запустить на телефоне радио. И умеет ли телефон принимать радиосигнал. И какая частота ей вообще нужна. Но как-то же радио работало?

Она зашла в браузер, собираясь спросить всезнающий гугл насчет радио на телефоне. Страницей по умолчанию оказался сайт top.ru. Не успела Джимми удивиться незнакомой страничке, как зазвучал голос диктора – тот самый, с “октябрьского” радио. Ах, значит, это интернет-радио.

Налив себе кофе, Джимми села завтракать и слушать утреннюю сказку – сегодня диктор увлеченно рассказывал про вставшие часы, про клавиатуру на набережной, про приметы. Как всегда, сказка оборвалась без развязки, но оставила после себя тепло где-то внутри.

По четвергам у Джимми было всего четыре пары, и она, вдохновленная сказкой, отправилась к клавиатуре. Покрашенные в белый камни, обтесанные под огромные клавиши, выступали из склона рядом с набережной Исети. Вокруг них росла трава, местами стерлась краска, но буквы и символы были по-прежнему хорошо видны. Джимми задумчиво ступила на F2. Потом перепрыгнула на F1 – пожалуй, ей не помешала бы справка по текущей ситуации. Конечно, ничего не произошло, только откуда-то со склона на её пальто спланировал желтый кленовый лист. Джимми сняла его и подумала, что это, наверное, к приятной встрече со старым знакомым.

Покинув набережную, она поднялась в “японский дворик”. Конечно, красивее всего этот небольшой садик смотрелся весной, когда цвели кусты, но и сейчас, осенью, здесь было очень уютно. Тишина, а ведь совсем рядом – дорога, офисные здания, спешащие куда-то люди. Негромко журчат рукотворные водопады, в маленьком прудике любуются небом желтые листья. Поздние астры еще раскрашивают клумбы своими гордыми венчиками, но и они уже готовы сдать дыхание скорой зимы. И никого на ступенях...

– Жень?

Да, пожалуй, с “никого” она поторопилась. Джимми обернулась и только тогда вдруг сообразила: женский голос, который позвал её по имени, кажется знакомым?

– Катя? – недоверчиво узнала она.

– Женька, правда ты? – обрадовалась Катя. – Вот так встреча! Какими судьбами?

Джимми рассказала про свою учебу, задавала несколько встречных вопросов, ощущая ту неловкость, которая характерна при встрече людей с общим прошлым, но без общих интересов в настоящем. Катерина, бывшая соседка по лестничной площадке – дома, в Невьянске – была на четыре года старше, так что особо близкими подругами девочки не были, но в огромном, по меркам Невьянска, Екатеринбурге казались друг другу почти родственниками.

А листик-то не соврал, решила Джимми, когда девушки разошлись в разные стороны. И правда, приятная встреча со старым знакомым.

Солнце уже клонилось к закату, но домой пока не хотелось, и Джимми свернула по мосту в дендропарк. Здесь дыхание осени ощущалось сильнее: фонтан был давно выключен, а с клумб убрали однолетние растения. Только ели по-прежнему агрессивно топорщили иголки во все стороны, да старая-престарая ива поскрипывала на ветру, отказываясь избавляться от уже побуревшей листвы. Джимми прошла мимо спрятанных в дуплах галактик и направилась вдоль реки по дорожке.

На ступенях она заметила двух уже знакомых собак. То есть, волков.

– Марс с утра выглядел очень серьезным и даже не в духе, – рассказывала волчица. – Он сказал, что его очень задело что открывающие называют моего Человека очень болтливый и не хотят общаться. Поэтому он обещал делиться со мной всей информацией, и я ему за это ничего не буду должна. А еще предупредил, что я не должна дружить ни с Онни, ни с Серафиной.

– А ты?

– А что я? Мы с ними, вроде как, союзники, – волчица пригорюнилась.

– Слушай, а Марс – он вообще кто?

– Марс? – удивилась Лу. – Ну, знаешь, такой лысый кот. В свитере ходит...

– Да нее, это я знаю, – дернул ухом Фунтик. – Я имею в виду, с кем он? Не знаешь, кто его человек?

Волчица замотала головой:

– Не знаю. Зато я узнала сторону Сусанны и ее человека.

– А я узнал сторону Альдис, – вскочил Фунтик. – Тебе интересно?

– Я знаю ее сторону.. но может, ты знаешь, кто ее фамилляр?

– Нет, Лу, – грустно откликнулся Фунтик. – У меня не очень удачный день был вчера.

– Мне еще интересно про Оранджа, Звёздочку, Лоренцию, – продолжила волчица, – вдруг ты уже давно что-то про них знаешь? Еще у меня есть догадки про сторону человека, которого зовут Стрелок и про человека Грибо, я бы не отказалась их проверить, вдруг ты можешь мне в этом помочь?

Фунтик задрал морду к начинающему темнеть небу и некоторое время помолчал.

– Я знаю сторону Звёздочки. – осторожно сказал он.

– Меняем на сторону Сусанны? – предложила Лу. – Сусанна закрывающая.

– И Звёздочка тоже.

Волчица кивнула и опустила голову на лапы:

– А знаешь, Фунтик.. Чаще всего проще договариваться с противником, чем с союзником..

– Да? – заметно огорчился Фунтик. – Тебя обижают?

– Эти дураки напоминают некоторых людей из города, который мы с тобой знаем... для которых цель жизни – спрятать информацию... А котеночек... это она с тобой болтает, а для меня у нее ничего нет... Ну тут ведь как, это в обе стороны работает, – Лу повеселела. – Это напоминает мне одну историю с очень талантливым мальчиком, который хотел учиться... его сначала не хотели учить, потом ему не доверяли, в итоге он ушел туда, где были печеньки.– Можно и так сказать. Вот к тебе прихожу – разговариваем.. к Грибо прихожу – тоже разговариваем... с Томом Третьим тоже поговорить можно... а некоторые выпучивают глаза и с визгом "я ничего не знаю, я тут вообще мимо стою" уносятся в кусты... – Дураки какие-то, – Фунтик немного подумал. – Котёночек Эй весьма разговорчив.

Джимми подошла ближе и предположила:

– И я шерстяной волчара? – Лу упала на бок и расхохоталась. – Может, и бояться... Всё слишком милое, пушистое и пугливое... Во мне от этого начинает просыпаться горная тайга... Пойти, что ли, с Вереск пообщаться? Она хотя бы моего размера... – Может они тебя просто бояться просто? У тебя же вон какие мощные лапищи!

– Я Фунтик, койот, – Фунтик вежливо махнул хвостом. Волчица поднялась, отряхнулась и прямо с места прыгнула в кусты.

– Меня зовут Джимми.

– Да, я знаю. О тебе все фамилльяры говорят. Подумать только, а болтуном называют меня, – он огорченно повесил голову.

– Тебя обижают? – повторила Джимми его собственный недавний вопрос.

– Нет. Конечно, нет. Просто Закрывающие мне не доверяют. Иногда мне кажется, что даже мой Человек мне не доверяет. А Лу... Она с другой стороны Костра. Я уже даже думал о смене стороны.

– А разве можно сменить сторону?

– Можно. Просто для этого нужны очень веские основания. Потому что доверия от такого поступка больше не станет. Скорее, даже наоборот, – койот растянулся на ступенях, поджав под себя хвост. – С другой стороны, у Открывающих тоже с доверием беда. Не все поддерживают Вольху, хозяйку открывающей палочки. Мэри Таэ, Человеку Лу, не доверяют, потому что она общалась с Закрывающими и даже помогала им создавать артефакт.

– А что в этом такого? – поинтересовалась Джимми.

– В том-то и дело, что ничего, – Фунтик почти по-человечески пожал плечами. – На этом этапе Игры стороны еще не враждуют, а информация нужна всем. Какая разница, от кого её получать, если это честный обмен?

Вечером Джимми открыла тетрадь по философии, пытаясь вспомнить, не задавали ли им домашнее задание. На последней исписанной странице обнаружился текст, который не имел никакого отношения к философии, и написан он был не её почерком. Джимми уже не удивилась, тем более, что имя, стоящее в подписи, уже попадалось ей в прошлые дни. Маркиза Ди. Маркиза, сбежавшая из тени. Неужели она устала быть лидером Закрывающих?

14.10

Я этого не ожидала.

Информация, которую, по слухам, по кусочкам приходилось добывать на предыдущих Играх, по крупицам, проверяя и перепроверя – на этой Игре даже не разменная монета.

Она льется бурлящим потоком, сшибая с ног. Стоит отвернуться от магического шара – образов так много, их танец так быстр... И все тянут ко мне руки, раззывают рты: Маркиза, Маркиза! Скажи нам, поговори с нами, откройся нам!..

Бррр...

Мои нервы начали сдавать, когда дважды в день в меня полетели ОТЧЕТЫ о проделанной работе.

Одно за другим приходят письма с приглашением на личное randevu.

Психанула и пригласила всех к себе скопом на званый вечер.

Старые добрые кулуарные разговоры.

Надеюсь, хотя бы они помогут вскочить на круп бешеной скачки Игры нынешней.

Завтра встреча со Стрелком.

Послезавтра с Туком.

Перманентный диалог с Эй.

Некто Мятонюх.

Наверное надо заняться собственно ингредиентами? Артефактами?.. Чем-то еще?

Или... я серьезно рассматриваю пример Джека. Выбрать приемника, одарить закрывающей палочкой и... просто наблюдать.

Маркиза Ди

Пятнадцатое октября

Утренняя сказка на октябрьском радио была совершенно пятничной – про настольную игру с другом. Джимми задумчиво посмотрела на стеллаж. На нем стояли книги, часть из них она привезла из дома, часть принадлежали хозяйке. В уголке второй сверху полки притулилась небольшая фотография, хозяйка с двумя сыновьями – Леонидом и его младшим братом, которому, по слухам, эта квартира должна была пойти в наследство. На средней полке слева едва заметно пахла чем-то сладким аромалампа в виде колодца – Джимми её не зажигала, запах благовоний казался ей слишком ярким и приторным, а вот прикоснуться к гладенькому глиняному боку ей нравилось. На верхней центральной полке гордо расположились несколько ракушек, наследие тех времён, когда Сочи был в умах людей идеальным местом отдыха. Хотя такие шипастые, явно сувенирные раковины могли приехать и из Турции, и с какого-нибудь Кипра. А стоящие рядом стеклянные фигурки намекали на Италию, ну или на качественную подделку под муранское стекло.

А вот коробок с настольными играми на стеллаже не было. Ни одной. Да и кого-то приглашать к себе Джимми не хотелось. Поэтому после пар она отправилась в “Вереск”.

Небольшая кофейня пряталась с торца дома, выходящего к скверу. К ней удобно было вылезать через дыру в заборе, и сюда никогда не зарастала тропа. Гитара на дереве слева, скамейка справа, на которой, пользуясь теплой погодой, сидела девушка в черном и потягивала кофе из высокого многогранного стакана. Джимми прошла мимо и потянула на себя сперва тяжелую первую дверь, а потом и вторую, оформленную “травкой” и практически исчезающую на фоне точно таких же стен.

Внутри деликатно пахло свежим кофе. Бариста из-за высокой стойки махнула Джимми рукой. Девушка заказала сладкий авторский раф с вкусным названием “Сникерс” и присела на табурет у стойки, оглядываясь. Слева от неё притулилось фортепиано. Насколько она знала, инструмент был настроен и охотно пускал за клавиши музыкантов, когда в “Вереске” проходил “джем” – крошечный концерт по субботам с открытым микрофоном для всех желающих спеть или сыграть. Сейчас на крышке фортепиано скучала доска с меню, а поверх лежали книги, значки и открытки, которые можно было купить. Уютно потрескивал камин – разумеется, искусственный, но всё равно очень атмосферный. За окном рыжие клёны роняли крупные листья, ветер подхватывал их, кружил в неспешном вальсе и рассыпал ровным слоем, стараясь сложить мозаику так, чтобы не осталось ни одного свободного клочка земли. Солнечные лучи пронизывали тонкую, вызолоченную до хруста вуаль листвы, создавая ощущение жаркого дня, но из приоткрытого окна тянуло холодом. Под потолком мерцали несколько неярких светильников – больше для теплой атмосферы, чем ради света, в углу ждал своего часа стеллаж с книгами и настольными играми. Рядом с окном в креслах сидели две девушки, Джимми почему-то сразу подумала, что они сёстры. Приглядевшись, она усомнилась в этом предположении – девушки были не слишком-то похожи, но в них было что-то общее. Может быть, взгляды, устремленные на стол, где были разложены “Гномы-вредители”. Девушки смотрели на весёлую и простую, в сущности, игру как на Очень Важное Занятие, и эта серьёзность их роднила. Других посетителей в кофейне не было.

Джимми дождалась своего кофе и остановилась рядом с девушками.

– Привет. Меня зовут Джимми. Можно, я присоединюсь к игре? – робко поинтересовалась она.

Девушки одинаковым движением подняли головы и посмотрели на неё. Её показалось, что с недоумением. Потом друг на друга. Потом одна из них пожалала плечами:

– Садись. Я Каролина. А это Лекса, – кивнула она на свою спутницу.

Джимми подтащила поближе кресло-качалку, Каролина тем временем заново разложила карты. На троих игра пошла веселее, Лекса даже начала улыбаться особо удачным ходам. Закончив партию, девушки снова переглянулись, кивнули друг другу, словно безмолвно обменявшись мнениями, и одновременно поднялись.

– Спасибо за игру, – улыбнулась Каролина.

– Жаль, нам уже пора, – Лекса протянула Джимми колоду карт.

Они ушли, а Джимми еще некоторое время посидела, допивая кофе и раскладывая фишки и карты в коробку. Вернув игру на стойку, она заказала еще кофе. Солнце скрылось за домами, в кофейню начали заходить посетители после работы, здесь каждого встречали, как старого друга. Можно было посидеть еще, из-за столика её никто не гнал, но Джимми решила, что лучше она прогуляется до дома пешком, пока погода не загоняет в транспорт.

Проходя мимо “Высоцкого”, она неожиданно для себя свернула к нему. Заплатила за вход на обзорную площадку и только тогда задумалась – а зачем, собственно? Ответа внутри себя не нашла, но, пожав плечами (деньги-то уже заплачены), всё же поехала наверх.

Внизу, на улицах, уже хозяйничали сумерки, а отсюда, с обзорной площадки на пятьдесят втором этаже, открывался дивный вид на закат. Солнце наполовину скрылось за горизонтом, утратив свою дневную яркость, и разлилось по западной части города длинной золотой полосой. Днем небо было чистым, сейчас появились облака, словно обрамляя сцену роскошными кулисами – их расцветило оранжевым и фиолетовым, щедро разлив по белому подмалёвку самые яркие краски спектра. Зрелище было, как в хорошей драме, одновременно торжественным и ранящим, и Джимми распахнутой душой впитывала в себя это тревожное предчувствие. Не хватало только музыки – низкого певучего альта.

– Не каждый день увидишь такой закат, – вздохнул кто-то рядом.

Джимми вздрогнула. Она была уверена, что на обзорной площадке больше никого нет. Торопливо оглядевшись, она убедилась, что не совсем права. Людей, действительно, не было, но на скамье в паре шагов от неё лежала книга. В первую очередь девушка отметила рельефную обложку, похожую на плотно пригнанные друг к другу чешуйки, потом встретилась взглядом с открывшимся на обложке глазом – вертикальный зрачок, желто-зеленая радужка.

– Ой, – узнала она книгу из сна, ту самую, которая сражалась с филином.

– Не “ой”, а Том, – насмешливо прищурился глаз, и кончик закладки затрепетал, словно раздвоенный язык.

– Третий? – вспомнила Джимми, что хотела спросить. – А почему, кстати, третий?

– Потому что третий из двенадцати братьев, – усмехнулся Том. – Между прочим, я – книга сказок. И моя хозяйка – тоже сказочница. У нас один Дар на двоих.

– Приятно познакомиться. Я Джимми, – девушка осторожно протянула руку к книге.

Обложка насмешливо приоткрылась, показывая зубы, но Том позволил погладить себя по чешуйчатому боку.

– Том, а ты Открывающий или Закрывающий? – осмелилась спросить Джимми, перебирая чешуйки.

Драконий глаз снова сощурился.

– Это неприличный вопрос, как ты знаешь. Но я тебе отвечу. Мы с хозяйкой Закрывающие.

– Но вы же сказочники, – удивилась Джимми. – Разве сказки не созданы для того, чтобы выходить за границы обыденного?

– Сказки гораздо сложнее, чем ты думаешь. В первую очередь их смысл – хранение традиций. Сказки хранят человеческий опыт для новых поколений. Сказки учат мечтать, но они же учат ценить существующее, помогают взглянуть на привычное под новым углом, – наста-

вительно ответил Том. – Мы не знаем, что за Вратами. Мы с хозяйкой не готовы рисковать всем миром, чтобы это узнать. Пока не готовы.

– А кто знает? – Джимми помнила, что у Желязны всё было очень просто: старые боги, которые хотят вернуться. Но вряд ли Том говорил бы “не знаю”, если бы это было правдой.

– Доподлинно – никто. Есть предположения, оптимистичные и не очень, но мы не узнаем, пока Врата не отворятся. А мы, как ты помнишь, планируем не дать этому произойти.

– Но там ведь может быть что-нибудь прекрасное и волшебное, – возразила Джимми.

Покрытая чешуйками обложка шевельнулась, словно Том пожал плечами.

– Взгляни на этот закат, – предложил он.

Джимми подняла голову. Солнце уже скрылось, но горизонт еще светился перетекающими друг в друга оттенками алого и лилового.

– Представь себе, что Врата открылись. И солнца больше нет. Вообще нет. Не будет больше закатов. Никогда.

Джимми примерила на себя слово “никогда” и покачала головой:

– Но оттуда могут прийти новые друзья. Принести нам знания.

– Будут ли кого-то радовать эти знания, если взамен погаснет солнце? – риторически спросил Том.

– Но ведь оно может и не погаснуть!

– Может, – не стала спорить книга. – Но мы не хотим рисковать. Мы можем рискнуть собой – но не всем миром. Кстати, Маркиза Ди в воскресенье приглашает к себе гостей, чтобы поговорить о том, что за Вратами. Даже если ты не приглашена, я уверен, будет прямая трансляция по радио.

– Маркиза, – Джимми вспомнила вчерашний лист в тетради по философии, – планирует передать Закрывающую палочку?

Желто-зеленый глаз с драконьим вертикальным зрачком широко распахнулся.

– Я не слышал об этом, – коротко ответил Том.

– Думаешь, она устала быть лидером?

По обложке прошла легкая дрожь. Том исчез со скамьи и появился в руках Джимми. Девушка от неожиданности едва не уронила книгу, и закладка снова насмешливо дернулась.

– Что, по-твоему, значит слово “лидер”?

Джимми вспомнила старый мем на тему отличия лидера от босса.

– Ну, – неуверенно попыталась сформулировать она, – лидер ведёт за собой.

– Умничка, – ласково сказал Том. – Лидер не обязан быть самым сильным или самым умным. Лидеру не обязательно всё делать самому. Лидер должен видеть цель и уметь показать её другим.

– И как это связано с Закрывающей палочкой? – не поняла девушка.

– В том-то и дело. Никак, – сверкнула зубами приоткрывшаяся обложка. – Неважно, у кого палочка. Важно, к чьему мнению прислушиваются. С палочкой или без Маркиза Ди останется нашим лидером. А если Игрок слаб в своих убеждениях, никакая палочка не сделает его лидером своей фракции.

– Ты сейчас про лидера Открывающих?

– Нет, я сейчас в целом. Я ничего плохого не могу сказать про Вольху Редную. Хороша ли она, как лидер, мы узнаем к концу октября.

– На костре?

– Большой Костёр вспыхнет тридцать первого октября, когда полная луна засияет на небе, – согласно щелкнула закладкой книга.

– А то, что каждая сторона кинет в костёр?.. – Джимми не договорила.

– Ингредиенты, – подсказал Том правильное слово.

– Да, спасибо. Как вы ищите ингредиенты?

– Утренняя сказка помогает нам настроиться на мир. Люди, наши партнёры, выполняют условия сказки, а мы, фамильяры, чувствуем нужный ингредиент, после этого человеку остаётся только его добыть.

– А вы, фамильяры... Вы вообще кто? – осторожно поинтересовалась Джимми.

– Мы – отражение человека в зеркале мира. Мы – тень, которую отбрасывает наш хозяин на ткань тонкого мира. Мы – воплощенная магия октября, – пафосно произнёс Том и, хихикнув, пожал краями обложки. – Есть много мнений на этот счёт, но вряд ли какое-то из них можно назвать единственно верным... О, прости. Моя хозяйка закончила выбирать очки.

Джимми вспомнила дневник про зачарование очков.

– Твоя хозяйка – Хранительница Архивов? – сообразила она.

– Хранитель, – поправил её Том. – “Хранительница” слишком длинно и сложновыговариваемо.

– А куда она дела предыдущие очки? Это ведь артефакт, да?

– Ты очень догадлива, – похвалил её собеседник. – Мы отдали артефакт Чёрной Саре, ей он сейчас нужнее.

Он изобразил вежливый поклон и рассыпался искрами.

Перед сном Джимми вполглаза листала новые публикации на видео-платформе. Посмотрела пару обзоров, переключилась на музыку. Немного удивилась, когда вместо очередного трека началась тишина, и посмотрела на экран. Там на песке горели “плавающие” свечи, на них падала тень – кажется, жирафа? Девушка удивилась, но наконец-то пошёл звук. Красивый, хорошо поставленный мужской голос говорил прозой, но звучала она почти стихами. Непонятно, но завораживающе-красиво. Джимми бросила взгляд на название канала. “Гумилёв”. Стоит ли говорить, что такого профиля на платформе не существовало?

15.10

Из клуба доносились вопли, временами вылетали клочки шерсти. Кажется, там кто-то кого-то грыз. Неважно. Никакого клуба. Сегодня я возвращаюсь домой.

Я зажгу свечи, расстегну рубаху и выложу на стол тяжелый старинный кинжал с жемчужно-белым лезвием. Огонь будет странно бликовать на переплетениях жилок, в которые, если присмотреться, превращается полотно клинка. Этот нож когда-то передал первому Мне проводник из племени Хараре, в лагере у подножья Черчерских гор. Он был старик, его семья погибла на войне, у него не было ни родных, ни друзей, и он отдал мне Нож и рассказал о Жажде.

Тогда я улыбнулся еще одной странной сказке пустыни. Я никогда не носил нож при себе. Я не считал его чем-то большим, чем странной диковиной. Но когда я вернулся – и вспомнил себя – Жираф вернул мне и нож. В первый раз он не пригодился мне, но сейчас – сегодня – я впервые ношу его на груди, как тот старик. И я чувствую, что Нож жив. Что он пробуждается.

Мне нужна его Жажда.

Николай Степанович Гумилёв

Шестнадцатое октября

Утреннюю сказку Джимми снова проспала. Сперва она огорчилась – успела привыкнуть за неделю к этим чудесным историям без финала, побуждающим сделать что-то необычное. Потом решила, что выспаться в субботу – это святое, раз уж пар нет. И вообще, это не её Игра. Где-то там решают судьбы мира, а у неё даже фамильяра нет. Последняя мысль отдавала обидой, лёгкой, но приставучей, как запах дыма.

Джимми сварила себе кофе и решила, что раз уж у неё выдалась свободная суббота, то она никуда не пойдёт. Тем более, на улице грозитесь вот-вот пойти дождь, а у неё здесь уютный плед и любимая книга. Ну его, этот октябрь, можно устроиться в кресле и предаться блаженному ничегонеделанию. На столике рядом завибрировал телефон. “Дуэль фамильяров! Грибо вызывает на дуэль Гуамоколатокинта”, сообщила смс с незнакомого номера. Гуам – это филин, вспомнила Джимми. Интересно, в дуэлях имеет значение биологический вид сражающихся? “Дуэль фамильяров! Том Третий вызывает на дуэль Лакки”, не унимался телефон. Хм, вчера Том не показался Джимми задирой, а сегодня он снова кого-то вызывает.

После обеда за окном развиднелось, и она не выдержала. Отложив книгу, пошла гулять по Харитоновскому саду. Обошла озерцо, двинулась на второй круг и неожиданно для себя свернула к лестнице. Знакомые голоса она услышала еще на подходе.

– Как ты не понимаешь, что это опасно, Лу?

– Да брось, мы потихоньку, никому не скажем, – волчица заискивающе вильнула хвостом.

– Лу, Фунтик, привет. О чём спорите?

– Привет, Джимми, – койот потрусил к вышедшей на площадку девушке и ткнулся мокрым носом ей в ладонь. – Мы сегодня уговорили наших хозяек встретиться.

– Но вы же на разной стороне?

– На разной, – наклонила голову Лу. – Но это не мешает нам оставаться друзьями. Вот и наши хозяйки нашли общий язык. Мы решили заглянуть на ту сторону Врат. Вместе.

– А так можно? – удивилась Джимми, у которой не укладывалось в голове, что никто до сих пор не попробовал.

– Мы еще не знаем, – упрямо сгорбил шею Фунтик.

– Не знаем, – Лу игриво потерлась боком о его плечо и села рядом. – Но это же не повод не попробовать.

– А как? – заинтересовалась Джимми.

– Они хотят придумать артефакт, – буркнул койот.

– Артефакт? Придумать? – не нашла ничего лучше, чем переспросить Джимми, которая по отдельности понимала оба слова, но вместе они у неё как-то не сочетались.

– Ну да. Лу, лучше расскажи ты, у меня плохо выходит, я сам не очень понимаю, как это работает.

– Артефакт – это такой способ влиять на мир во время Игры, – начала волчица.

– Как ингредиент? – щегольнула словом Джимми.

– Ммм, да, но не совсем, – подумав, откликнулась Лу. – Ингредиент влияет на мир только будучи брошенным в Костёр. Артефакт может помочь Игроку сейчас. Вот, например, очки Истинного Зрения.

– Это тот артефакт, который создала Хранитель Архива? – вспомнила Джимми.

– Он самый, – встрял Фунтик.

– Да. Так вот, в Костёр их бросать бесполезно, на Врата они никак не повлияют. Но сейчас они позволяют видеть... мм, скажем, ауры Игроков. Зная эти ауры, можно узнавать, кто создавал ингредиенты и примерно понимать силу сторон.

– Математика, – неодобрительно пожал плечами Фунтик. – Они забыли дух Игры и превратились в математиков.

– Кто владеет информацией – тот владеет миром, – не согласилась с ним волчица. – Но не суть. Мы хотим придумать такой артефакт, который позволит заглянуть за Врата.

– Придумать? – переспросила Джимми. – Как это?

– Если вернуться к очкам, то Хранитель нашла где-то легенду, упоминающую очки. Не знаю уж, какими свойствами они обладали изначально, но Хранитель переписала легенду таким образом, что очки обрели свойство показывать своему носителю ауры.

– Просто переписала? – нахмурилась Джимми.

– Думаешь, это просто? – фыркнула Лу. – Нужно ведь не просто изменить несколько слов. Нужно переписать легенду так, чтобы мир в неё поверил.

– Ты говоришь так, словно мир разумный, – рассмеялась девушка и осеклась, заметив, с каким осуждением на неё смотрят оба фамильяра.

– Разумный, разумеется, – махнула хвостом Лу. – Конечно, не так, как люди, но разумный. Мы не умеем понимать его язык, но мы умеем ощущать, что он хочет нам сказать. И ты тоже.

– Я не игрок, – утренняя обида всплыла в памяти, и Джимми ответила резче, чем собиралась.

– Ты можешь видеть нас и говорить с нами, – волчица распахнула пасть в усмешке. – Ты ведь тоже чувствуешь этот октябрь.

– Допустим, – Джимми не поверила, но спорить ей не хотелось. – Значит, найти подходящую легенду и переписать?

– Это еще не всё, – мрачно откликнулся Фунтик. – Если мир готов измениться таким образом, чтобы артефакт заработал, фамильяры это поймут. И услышат цену.

– В деньгах? – фыркнула Джимми, сразу же нарисовав в воображении этакий магазин, в котором лежат артефакты с ценниками.

– Если бы, – не принял шутки койот.

– Деньги – это человеческое изобретение. Цена артефакта – это обычно испытание, которое должен пройти человек, чтобы артефакт пришел к нему, – пояснила Лу.

– И не всегда эта цена приемлема, – Фунтик мрачно навернул несколько кругов по площадке. – Вот скажи мне, Лу, если ценой будет жизнь того, кто заглянет, ты согласишься?

– Нет. Конечно, нет. Мари мне дороже информации, – согласилась волчица. – Но мы еще не знаем цену.

– Дело не только в цене, – Фунтик остановился и поднял голову к вершинам деревьев. – Может получиться так, что кто-то захочет им помешать. Или исказить видение. Или вообще не дать им вернуться.

– Это не значит, что не нужно пробовать, – упрямо повторила Лу.

– Но кому и зачем может понадобиться мешать в таком деле? – не поняла Джимми.

– Тем, кто захочет избавиться от ненадежного союзника. Тем, кто не хочет ничего знать, а просто готов стоять на своём до последнего, – буркнул койот. – Не знаю. Мало ли, у кого какие мотивы.

– Да, есть у нас... гм, странные союзники, – согласилась волчица. – Например, Альдис. Она обещает, что к концу Игры создаст артефакт, который вытасчит проигрывающую сторону. И это звучит так, словно этот артефакт – она сама, и она готова переметнуться на сторону тех, кто будет слабее.

– Как-то это не очень вдохновляюще звучит, – кивнула девушка.

– И я о том же. Да и среди Закрывающих есть... гм, не очень понятные личности, – Фунтик отерся боком о бедро Джимми.

– Мы все очень разные, – Лу подошла к Фунтику и ласково лизнула его в ухо. – Но это не значит, что плохой тот, кто не такой, как ты.

– Это значит, что нужно подумать о защите. Просто. Подумать. О защите. А не отмахиваться от возможных сложностей, – буркнул койот, но было видно, что жест подружки его немного успокоил. – Идём, Лу. Нам еще помогать хозяйкам с ингредиентами.

Вечером Джимми заварила чай с мятой, добавила мёд и корицу. С наслаждением сделала первый глоток и устроилась под торшером в кресле. Книга, хоть уже и не раз прочитанная, снова увлекла её, чай успел остыть, как вдруг девушка ощутила, что что-то изменилось. Она неохотно закрыла томик Раткевич и прислушалась. В квартире мерно мурлыкал холодильник, шуршала вода в стояках. Над головой раздались и стихли шаги, гавнула где-то в подъезде собака. На улице завелся двигатель автомобиля, с дороги кто-то просигналил. Это всё были обычные, повседневные звуки, но она чувствовала: что-то изменилось. Что-то... другое.

Девушка поднялась и заново вскипятила чайник. Вылила остывший чай в раковину и заварила себе свежий. Вдохнула яркий, праздничный аромат корицы и снова прислушалась, стараясь исключить из зоны внимания те звуки и ощущения, которые были ей привычны. Такой технике их учили на йоге – сама йога Джимми не зашла, но некоторые привычки остались. Звуки вокруг исчезли, повседневные предметы превратились в ничего не значащий фон. Аромат корицы звал за собой, девушка мысленно потянулась следом за ним. И вдруг поняла. Это изменился мир. Где-то на другом уровне, выше обычного восприятия, появился какой-то шум, которого раньше не было. Шум, который мешал...

Джимми отвлек звук скольжения когтей по стеклу. Обычно к ней в окно никто не скрёбся, поэтому он вытащил её из транса, в который она незаметно погрузилась, изучая изменение в мире. За окном на карнизе стоял зверёк, которого она затруднилась отнести к определённому виду. Явно какой-то хищник, но какой? Хорёк? Выдра?

– Я куница, меня зовут Лакки, – первым делом сказал зверёк, когда Джимми открыла окно.

– Прости. Я думала вслух? – смутилась девушка.

– Нет, просто я знаю этот взгляд, на меня постоянно так смотрят, – куница просочилась на подоконник и легла.

– Ты – Лакки? – сообразила Джимми. – Это тебя вызвал на дуэль Том?

– Том, – вздохнула Лакки, с блаженным видом укладывая голову на лапы. – Это было потрясающе! Он такой обходительный, такой нежный! Это было больше похоже не на бой, а на танец!

– А Грибо и Гуам?

Лакки нахмурилась:

– Грибо – огромный кот. Бедный Гуам! Почувствовав, что силы неравны, он сдался, но ведьмино отродье всё равно продолжил его рвать! Это так ужасно! Надеюсь, кто-нибудь покажет этому наглomu коту!..

Куница продолжила раздраженно шипеть себе под нос ругательства.

– Лакки, а ты ощутила шум?

– Шум? – переспросила куница. – А. Да. Это “Стража завета”. Закрывающие создали артефакт, который мешает нам, фамильярам, слышать сторону людей и определять их связь с фамильярами.

– А вы так можете?

– Могли, сейчас это стало гораздо сложнее, “Стража завета” создаёт помехи.

– Но, получается, что они и своим фамильярам жизнь испортили? – уточнила Джимми. – Или это работает только на Открывающих фамильяров?

– Нет, все фамильяры от этого страдают, – фыркнула Лакки, – но, судя по всему, Закрывающие уже выяснили всё, что им было нужно. Похоже, они сильно обгоняют нас. Наши союзники слишком мало доверяют друг другу, не понимая, что без командной работы нам не открыть Врата.

– А почему ты хочешь открыть Врата? – заинтересовалась Джимми.

– Я просто хочу домой, – грустно призналась куница. – Мы с хозяйкой не из этого мира. Нас втянуло сюда, и теперь мы не можем уйти.

– Ох, прости, – тоску по дому Джимми хорошо понимала. Пусть даже её дом был на расстоянии всего пары часов езды, она иногда ловила себя на том, что тоскует. А каково было бы ей, если бы она не могла вернуться?

– Мы просто уйдём, – убеждённо сказала Лакки. – Выберемся отсюда и вернёмся к себе. Ваш мир вряд ли от этого пострадает.

– Закрывающие думают иначе.

– Открытые Врата будут означать перемены, а Закрывающие боятся что-то менять. Им уютно в этом крошечном болотце, и им страшно признавать, что перемены необходимы – без движения, без развития любой мир погибнет.

– Слушай, но ведь никто не знает, что за Вратами? – сообразила Джимми.

– Не совсем так, – поправила её куница. – Все понимают, что за Вратами – некое Междумирье, пространство в никогде и путь к другим мирам. Но никто не знает, что может прийти в этот мир оттуда. Это ведь не обязательно будет что-нибудь плохое... Ладно, заболталась я с тобой, а мне еще хозяйке снится что-нибудь теплое, а то она простудилась. Приятно было познакомиться, Джимми-не-игрок.

Куница давно исчезла в темноте, а Джимми всё сидела на подоконнике и смотрела в ночь. Вчера ей казалось, что Том прав: мир надо защитить. Сегодня Лакки пришла совершенно с другой точкой зрения, и она тоже была очень убедительна. Ведь и правда, им неоднократно на разных предметах повторяли, что стагнация приводит к деградации и разрушению. Так кто же из них ближе к истине? Конечно, от Джимми в этой Игре ничего не зависело, но она хотела хотя бы для себя понять, на чьей она стороне. И... интересно, по какую сторону Костра окажется Леонид?..

Джимми пересела в кресло и открыла лежащий на столике том по закладке. Сперва ей показалось, что она ошиблась книгой – текст больше напоминал “Лабиринт отражений”, чем “Ближе смерти и дальше счастья”, которую она читала до прихода Лакки. Потом девушка поняла: это снова исповедь кого-то из игроков, очередное послание из тех, которые она по какой-то непонятной причине получает каждый вечер. От кого?

16.10

И ведь правду говорят – всё самое страшное случается в полночь!

Вот и вчера Николай Степанович Гумилёв, будь он здоров, откопал в архивах Клык Шаи-Хулуда. Ну и я, честно говоря, задёргался – а не приведи Господь, он Открывающим достанется, с нашей-то тактикой "двух вёдер мелочи"!

Спал плохо – мучили кошмары. Тёмная обсидиановая бездна, затягивающая внутрь. Руки, влекущие за грань мира, на ту сторону, за Врата. Холод вечного сна.

Открытие Врат будет означать смерть – мою и Сары. Если мир изменится – на смену старым образам придут новые. Люди перестанут верить в нас – если будет ещё кому верить. И мы просто исчезнем.

Утро. Тяжело поднимаюсь с кровати, нехотя натягиваю костюм, проверяю шлем. Три-четыре-пять, иду Закрывать. Приятного погружения...

деер

Ввод.

Личность номер два – Сталкер.

Еду в такси Дип-Проводника, разбираю почту, пришедшую за ночь.

Пишет Гумилёв, отвечая на вчерашнее сообщение. Делимся подозрениями по поводу того, что чат – дырявое ушата, продумываем версии, как можно было бы вычислить утечку. Разрабатываем пару версий, забраковываем на месте. Продуктивность – близка к нулю, ощущение командного духа и хоть какого-то контакта с непонятной мне ранее фигурой Н.С. – бесценна.

Пишет доктор Уиллет, продолжая общение по поводу Артефактов. Забраковываем Зверь-Копилку. Понимаем, что на данный момент стоит внимания только Стража Завета. Уиллет говорит, что у него есть идея ещё одного Артефакта, удаляется писать.

Договариваемся на завтра почти полным составом Закрывающих (без Хранительницы и Брата Тука) встретиться вне-Глубины, в реальном мире.

Уже ближе к вечеру встречаемся с доктором Уиллетом, Сарой, Маркизой Ди и Эсме в центре Диптауна. Собираем новые Артефакты – "Песок Времени" и "Страж Завета". Обсуждаем планы на будущее. Пока что всё видится в более-менее радужном свете.

Что-то готовит завтрашний день?

Стрелок

Семнадцатое октября

В воскресенье Джимми поставила себе будильник пораньше, чтобы услышать утреннюю сказку. На радио она настроилась, но там шла только музыка, изредка прерываемая информационными блоками про сегодняшний приём у Маркизы Ди и письмами в редакцию.

Сказки не было. Сперва Джимми ждала и прислушивалась, потом разочаровалась. Она подумывала о том, чтобы сходить на этот самый приём, который, судя по всему, стал самым ожидаемым событием этой недели, но в новостях не говорили, где именно пройдёт мероприятие. Видимо, приглашённые были в курсе, а больше никого не ждали. Впрочем, оно и логично – зачем Игрокам люди со стороны?

Так что, за неимением лучшего, день она посвятила уборке и готовке: наварила себе борщ на неделю, вымыла пыль из углов, бережно перетёрла книги, потом открыла “Таэ, эккейр” – и провалилась. Это могло продлиться до самого вечера, но её отвлекла очередная СМС с короткого номера: “Дуэль фамильяров! Марс вызывает Тома Третьего!”. Опять Том? Он же вчера дрался. И позавчера.

В Харитоновском саду на плечо ей вспрыгнула знакомая белка.

– Привет, Острые Усики, – обрадовалась ей Джимми. – Слушай, я часто тебя тут вижу?..

– Мы живём поблизости, – прострекотала белка. – С хозяином! Я часто тут гуляю. Если он занят.

– А чем он занят сегодня? – небрежно поинтересовалась Джимми, снова подумав, а не Леонид ли хозяин Острых Усиков, ведь он тоже живёт здесь поблизости и, она была в этом уверена, он тоже один из Игроков.

– Сегодня все добывают ингредиенты. И мой хозяин тоже, – похвасталась белка.

– А ему не нужна твоя помощь в поиске ингредиентов?

– Я уже всё! – отмахнулась Острые Усики, крутя в маленьких лапках орешек. – Всё нашла! Достанет он их без меня.

– Да, кстати. А сказка сегодня была? – вспомнила Джимми.

– Нет, по выходным без сказки, – белка с хрустом разгрызла орешек и уронила половинки скорлупы на землю.

– Острые Усики? – на дорожку перед ними выскочила куница Лакки. Она была очень зла, уши прижимались к голове, загривок топорщился. – О, Джимми, привет. Острые Усики, ты видела, как Марс напал на Тома?

– Том сам виноват, – фыркнула белка. – Он навязчив. Слишком навязчив!

– Он всего лишь рассказывал мне сказку! – гневно возразила Лакки. – Мне! Этот мерзкий кот прервал его! Ради чего?

– Он стал сильнее, – меланхолично заметила Острые Усики, принимаясь чистить и распушать свой роскошный хвост.

– Но и фамильяры наших противников тоже! – окончательно разозлилась куница. – И, главное, он напал на обессиленного! Ни чести, ни достоинства! Кто? Скажи мне, кто его хозяин, я попрошу Еву поговорить с ним!

– Мы не знаем его хозяина, – напомнила белка.

– А теперь и не выясним, – Лакки с досадой щелкнула зубами. – Жаль. Честно, если Врата открывают, чтобы впустить оттуда множество марсов, то я буду против!

– Вряд ли, – Острые Усики перепрыгнула на другое плечо Джимми, мимоходом погладив её хвостом по шее. – Там лучший мир! Я уверена! В лучшем мире не будет таких марсов!

– Надеюсь на это. Ох, как я зла! – куница несколько раз прокрутилась вокруг себя и прыжком исчезла в зарослях, даже не попрощавшись.

А Джимми, так и не успевшая ни слова вставить в этот излишне эмоциональный разговор, вдруг сообразила. Том говорил, что он Закрывающий. Вчера Лакки говорила о Закрывающих, как о противниках. Но сегодня она зла от того, что кто-то напал на Тома. Девушка задумчиво посмотрела вслед ускокавшей кунице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.